

А.В.Фролов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: АНАТОМИЯ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-112-119

Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. – М: Аспект пресс, 2018. 219 с.

Новая монография ведущего российского востоковеда И.Д.Звягельской, изданная под эгидой Института Востоковедения РАН, отметившего в 2018 г. свое 200-летие, совместно с МГИМО МИД РФ, посвящена анализу воздействия основных факторов и трендов мирового развития на Ближний Восток и Центральную Азию. Работу можно смело назвать еще и анатомией конфликтов и конфликтности в этих двух регионах, поскольку в книге подробно и структурно анализируются как внутренние сдвиги (факторы разъединения и консолидации), так и внешние факторы воздействия, включая вызовы технотронного века и глобализации.

Несмотря на все различия между двумя рассматриваемыми регионами, включение в общие рамки исследования как Ближнего Востока, так и Центральной Азии выглядит достаточно органичным вследствие наличия в обоих регионах общих парадигм развития и схожих проблем. Сегодня многие специалисты относят оба региона к так называемому Большому Ближнему Востоку, другие склонны включать их в «дугу нестабильности». Оба региона также являются составными частями исламского мира.

Композиционно монография состоит из семи глав, посвященных наиболее существенным, по мнению автора, вызовам развития и проблемам роста, с которыми сталкиваются государства обоих регионов. Первая глава поднимает проблему, наиболее характерную для переходных этапов и систем. Речь идет о состоянии государственности стран региона, которое неизбежно сказывается как на повестке международных отношений, так и на внутривнутриполитической ситуации. Во второй главе рассматривается проблема государственного суверенитета, а точнее то, в каких рамках и до какого предела органы государственной власти, включая силовые структуры, имеют право наводить порядок «в собственном доме», а в каких условиях такое «наведение порядка» объявляется нелегитимным. Третья глава посвящена современному международному терроризму на примере Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ);* четвертая – процессам гибридизации в войне и политике; пятая – проблемам архаики и традиционализма в восточных обществах; шестая – соотношению путей революционного и

Фролов Александр Владимирович – ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН.

* ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в РФ (далее – везде).

эволюционного развития; седьмая – традиционным форматам и новому измерению конфликтов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

В условиях болезненного формирования нового миропорядка требуется осмысление новых мегатрендов и их воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Возвышение Китая и Индии, активизация роли России, набирающие силу изоляционистские тенденции во внешней политике США, ориентализация мирового развития, внутренние противоречия в ЕС, кризис элит, всплеск этносепаратизма, – все это оказывает сильное воздействие на государства Ближнего Востока и на выбор ими парадигм внутреннего развития и внешней политики. Как отмечает автор, разочарование в рецептах переустройства общества на социалистических началах, распад СССР и крушение коммунистической идеологии стали на Арабском Востоке драйверами поиска новой утопии всеобщего благоденствия, но на этот раз в контексте радикальных исламистских идей (с. 11). При этом реализация альтернативного проекта демократизации, особенно по западным образцам, имела результатом ослабление и разрушение управляемости вплоть до распада государственности.

Закономерно, что одна из ключевых проблем Ближнего Востока и Центральной Азии связана с теми испытаниями, которым подвергается государственность стран региона. Органичный для мусульман Ближнего Востока дуализм на сегодня выражается в борьбе между сторонниками условно светской модели и представителями политического ислама. Исламисты считают религиозную веру главным фактором идентичности, а наиболее радикальные из них в разной степени используют насильственные методы в процессе достижения своих целей.

Хотя национализм в государствах региона складывался на основе антизападничества, заимствование западных идеологий одновременно с неприятием западных образцов организации общества стало одной из важнейших особенностей построения независимых государств на Арабском Востоке (с. 17). В рамках этого процесса безопасность общества в широком смысле подменялась безопасностью режима. В силу этого, например, усиление и многочисленность спецслужб была нужна режиму, но бесполезна для общества. Как полагает И.Д.Звягельская, предшествующая эра становления и развития государственности дала обычным людям немало, но вместе с тем не привела к формированию таких институтов, которые представляли бы их интересы и давали бы им голос в политическом процессе. При этом идея свободы, особенно индивидуальной, в арабском дискурсе не находилась в центре общественной мысли (с. 18), в отличие от идей справедливости и национального освобождения. В результате элиты освободившихся государств были в основном представлены бывшими армейскими офицерами и довольствовались созданием одной партии и «ручного» парламента. Исключением оказался проект государственного строительства Израиля, сформированный под сильным воздействием национализма западного типа.

Однако отказ правителей от таких «правил игры», как сменяемость власти и развитие институтов (прежде всего, судебной и законодательной власти), лишил их легитимности не только в глазах немногочисленной оппозиции, но и довольно широких слоев населения. Ниспровергатели же правящих режимов преследовали такие далекие от революционной романтики прошлого века цели, как получение доступа к власти и ресурсам. В результате побочным, а возможно, и главным продуктом «арабской весны» начала 2010-х гг. стало ослабление управляемости и нарастание хаоса. При этом автор отмечает, что монархические режимы на Ближнем Востоке оказались крепче республиканских, поскольку функционировали

в рамках де факто всеми признанной системы династической передачи власти. Там, где культурное влияние Запада было относительно низким или более жестко отвергалось, архаичные формы государственности продержались значительно дольше (с. 23).

Что касается государств Центральной Азии, то для них поиск государственности заключался в возвращении к неким «древним» корням, попытках представить современную государственность как наследие цивилизаций прошлого. В самом деле обоснование современной независимости легче найти в далеком прошлом, среди героев и завоевателей. Его можно идеализировать, представить как золотой век государственности, традиции которой были насильственно прерваны в эпоху колонизации и существования СССР (с. 25).

Во второй главе – «Классика суверенитета и региональный пейзаж» – ставится вопрос о том, в какой степени государство обладает суверенитетом для наведения порядка на собственной территории. Автор полагает, что суверенитет как абсолютная власть государства на определенной территории постоянно подвергается вызовам (с. 30). На Ближнем Востоке особую роль в этом плане традиционно играют внешние силы – еще со времен соглашения Сайкса–Пико 1916 г., когда они обозначили границы новых государств и поделили сферы влияния. По сути эти внешние силы присвоили себе право судить о том, что дозволено местным правителям, а что – нет.

«Государство, как институт, обеспечивающий безопасность своих граждан, – пишет И.Д.Звягельская, – обладает всеми необходимыми для этого инструментами. Однако в действительности оно может угрожать безопасности своего населения» (с. 36). В этой дилемме кроется суть проблемы, ставшей особенно актуальной в связи с провозглашением в 1990-е гг. на международном уровне необходимости отказа от суверенитета «медвежьих углов» в соответствии с требованиями все более взаимозависимого мира. Одним из практических проявлений этой тенденции стало проведение так называемых гуманитарных интервенций, предполагавших, вне зависимости от мнения самих конфликтующих сторон, введение войск на территорию государства, которое применяло насилие в ходе внутренних конфликтов. Поскольку суверенитет в его современной трактовке предполагает и ответственность государства за защиту населения от массовых преступлений, то в случае, если государство их игнорирует, его суверенитет и легитимность правящего режима теряют свою силу.

По мнению автора, особенность современной ситуации заключается в том, что суверенитет и легитимность больше не являются препятствиями для вторжений иностранных войск (с. 41). Это в полной мере коснулось Ливии и Сирии. Пример великих заразителен, поэтому не только глобальные державы, но и региональные государства на Ближнем Востоке открыто пренебрегают суверенитетом своих соседей. Так, Ирак в 1990 г. вторгся в Кувейт, Турция в 2010-е гг. неоднократно вводила войска в Сирию, а коалиция во главе с Саудовской Аравией в 2015 г. вмешалась в ход внутреннего конфликта в Йемене.

Однако проблема в данном случае заключается не только в произвольности трактовок ситуации зарубежными акторами. Степень суверенитета региональных государств обуславливается и иными факторами, включая условность границ. В частности, обширные пустынные территории невозможно оградить укрепленными рубежами, а границы в нынешнем виде не служат препятствием для племен, кочующих из одного государства в другое. Прозрачность рубежей также открывает дополнительные возможности для террористических организаций, которые могут ради сохранения своего потенциала передислоцироваться, скрываться в

пустынных зонах или перекочевывать в другие государства, примером чему служит удивительная подвижность ИГИЛ (с. 43). Ситуация усугубляется еще и тем, что армии на Ближнем Востоке нередко используются для осуществления государственных переворотов, а порой и против собственных граждан. Это происходит на фоне непродуманной политики правящих режимов, коррупции и колоссального разрыва в доходах. Социально-экономические проблемы во многом связаны с такими фундаментальными факторами, как ограниченность водных ресурсов в условиях, когда 80% региона занимают пустыни, а также быстрым приростом населения. Внутренняя слабость государств стала главной причиной появления многочисленных негосударственных акторов, нередко приватизирующих государственные функции и подкрепляющих свои притязания силой оружия. Уже в силу этого всякие договоры о разоружении имеют сомнительную или печальную перспективу.

Что касается Центральной Азии, то вследствие неразвитости взаимных связей между ее государствами в экономической сфере такие связи обращены не внутрь региона, а вовне. Ни в одной из региональных организаций, включая организации с участием России, страны региона не присутствуют «в полном составе». Предшествовавший сложный процесс территориального размежевания породил проблему разделенных этносов, которая может обостриться при неблагоприятном развитии ситуации.

Терроризм, которому посвящена третья глава, является одной из самых сложных проблем региона. Террористическую активность, которая носит трансграничный характер, осуществляют хорошо известные организации, центральное место в ряду которых занимает ИГИЛ. Как отмечает И.Д.Звягельская, его формирование оказалось быстрым и неожиданным для многих наблюдателей и экспертов (с. 57). Оно стало побочным продуктом американского вмешательства и переформатирования Ирака за счет маргинализации суннитов, роспуска армии и ликвидации партии «Баас». Появление ИГИЛ создало для некоторых слоев населения альтернативу жалкому прозябанию. Автор указывает на то, что выдвигаемые террористами лозунги оказались востребованными различными в культурном и этническом планах обществами, слоями и группами как на Востоке, так и на Западе. Многие мусульмане восприняли «халифат» как форму если не идеального государственного устройства, то, по крайней мере, устройства, рассчитанного на обеспечение минимальной справедливости (с. 58–59). Более того, салафитская идеология, делающая упор на очищение веры и приверженность принципу единобожия, – это своего рода ответ на то, что мусульманские фундаменталисты считают разгулом либерализма на Западе и пренебрежением принципами тысячелетней морали и человеческой нравственности.

ИГИЛ впервые открыто вышла в современный мир как не только террористическая организация, но и квазигосударственное образование, успешность которого в планах военных захватов и значительных финансовых возможностей, перекрывающих потенциал любой другой террористической организации, стали залогом роста числа его приверженцев (с. 61). Даже военный разгром ИГИЛ в Ираке и Сирии, где оно потеряло контроль над территориями, не означал исчезновения организации, а выдвигаемые ею идеи остаются востребованными в различных обществах, где запрос на социальную справедливость по-прежнему актуален (с. 63).

Деятельность международных террористов распространяется и на Центральную Азию. Страны региона испытывают все больший нажим со стороны экстремистских группировок. Перед центральноазиатскими государствами также

стоит своего рода идеологический вызов, исходящий с Ближнего Востока и Афганистана. При этом в них идет непростой процесс поиска идентичности, и еще не сложились самостоятельные направления исламской мысли (с. 65). В регионе имеется клубок социальных проблем в виде имущественного расслоения, демонстрации богатства в условиях крайней бедности, отсутствия социальных лифтов, несправедливости в связи с невозможностью защитить свои права в судебном порядке, т. е. добиться защиты от государства. Активность радикального подполья объясняется еще и тем, что в странах региона нет возможностей для деятельности легальных исламистских партий, а отправляющиеся в другие страны (преимущественно в Россию) на заработки люди особенно подвержены джихадистской пропаганде. Впрочем, степень чувствительности к такой пропаганде остающегося на местах населения тоже высока. При этом особую опасность представляет идеологическое влияние поборников экстремизма на военнослужащих и сотрудников силовых структур.

Тема гибридизации войны и политики (глава 4) особенно значима для Ближнего Востока, где во многих государствах уровень внутренней нестабильности высок, активно действуют террористы и рушится система управления (с. 81). Технологический прогресс, наличие обширного рынка современных вооружений (доступный не только государствам, но и разного рода негосударственным игрокам), высокие требования к профессионализму – все это стирает грань между отрядами боевиков и регулярной армией. Налицо фрагментация конфликтов. Поскольку в основе любого вооруженного конфликта лежит желание заинтересованных сил получить доступ к власти и ресурсам, а также стремление контролировать события и создать односторонние преимущества в сфере безопасности, факторов для гибридизации такого рода конфликтов более чем достаточно.

Систематизировать политические режимы на Ближнем Востоке сложно. И.Д.Звягельская пишет о том, что значительная часть этих режимов является гибридными, т. е. такими, в рамках которых, наряду с жесткой авторитарной вертикалью, существуют элементы демократических институтов (с. 89). В зависимости от обстоятельств, соотношение между авторитаризмом и демократией может меняться, а в отдельных случаях, даже при отсутствии намеков на существование демократических институтов, все равно можно обнаружить элементы гибридности (например, в Ливии в эпоху правления М.Каддафи). Если в период существования биполярной мировой системы правительствам не было особой нужды имитировать демократию, то в постбиполярный период некоторый уровень либерализма политической системы нужно было имитировать хотя бы для привлечения инвестиций.

В Центральной Азии, с одной стороны, крушение советской системы и установление отношений рыночной экономики открывали двери внешнему влиянию. Однако, с другой стороны, тенденции демократизации вызывали раздражение местных элит. Элементы либерализации, как полагает автор, были продуктом верхушечных реформ, что создало саму возможность появления таких элементов и предопределило их относительно утилитарный, приспособленный к интересам властей характер (с. 97). Местные политические партии так и не стали идеологическими, а главным фактором их формирования остаются клановые и родоплеменные интересы, стремление обеспечить более высокий статус своим соплеменникам.

В пятой главе разбираются типичные для регионов понятия архаизма и традиций. Западные исследователи нередко называют ближневосточные

общества архаичными. Однако, как, напоминает И.Д.Звягельская, архаизация носит инструментальный и манипулятивный характер. Вместе с тем она может быть отражением общественного запроса и даже определенной альтернативой слишком сложной современной действительности, предлагая более простые и понятные ответы на вызовы современности, выстраивая черно-белую картину мира (с. 110). По мнению автора, традиционализм в сравнении с архаикой носит более устойчивый характер, а поведение индивидуумов в нем подчинено групповому интересу: интересам семьи, клана, племени, общины. Разочаровавшись в когда-то соответствовавших общественным ожиданиям светских режимах, местные общества обратились к поиску ответов в прошлом, начав поиск альтернативы в политическом исламе, позиционировавшем себя как силу, способную обеспечить порядок и справедливость.

Когда со временем стала обнаруживаться неспособность и самих исламистов предложить эффективные рецепты нового общественного устройства (с. 113), важнейшим ресурсом управления (особенно в конфликтных ситуациях) стали традиционные структуры: племена, группы лояльности, общины. В таких условиях, как справедливо отмечает автор, ценности отодвигают на второй план интересы и делают конфликт особенно сложным для разрешения (с. 117). При этом поиск идеологии с глобальными и понятными ориентирами может породить спрос на наиболее радикальные и экстремистские варианты общественного устройства.

В контексте анализа ситуации в рассматриваемых регионах не менее интересен и вопрос о соотношении между революционными и эволюционными преобразованиями. В случаях недовольства населения «старыми элитами» перспектива их смены в арабском мире и в Центральной Азии гораздо менее реалистична, нежели в развитых странах. Даже тогда, когда верхушечные перевороты, мятежи и социальные движения являются частью революционного процесса, они, по мнению автора, могут и не носить характер «революции». На Ближнем Востоке революции XX в. преследовали цели борьбы за национальное освобождение и новую государственность, а появившиеся в результате этого «государства мечты» на деле не оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Появление же независимых государств в Центральной Азии не было результатом всплеска национально-освободительного движения: к нему привело разрушение того государства, которое многих устраивало (с. 133).

В настоящее время особую роль в политической ситуации на Востоке играют два фактора. С одной стороны, отсутствие у правящих режимов четких и понятных механизмов смены власти может стать одним из импульсов к революционным изменениям. С другой стороны, в условиях долголетнего несменяемого лидерства в обществе вырабатывается страх перед неизвестностью в случае ухода лидера.

В монографии упоминается о 50-летних циклах, в течение которых должны произойти либо преобразования, либо смены режимов. В транзитных обществах переход от полной сервильности к массовому противостоянию происходит особенно быстро, ввиду чего причины порой ускользают от взгляда стороннего наблюдателя (с. 135). К социальному взрыву в арабских странах приводили накапливавшиеся годами проблемы: резкое омоложение общества, увеличение числа образованных, но неспособных найти себе должное применение людей, бедность, вытеснение сельского населения в города и его маргинализация, системная коррупция и неэффективные экономические модели. Хотя в каждой арабской стране имелись и собственные причины для недовольства, общим знаменателем служило стремление избавиться от дискредитировавших себя режимов.

Применительно к Центральной Азии, где в процессе развития сложился эксклюзивный тип властных структур, имитационный характер выборов и весьма условная многопартийность, автор подмечает интересный нюанс: защиту и неприкосновенность частной собственности обеспечивает не существующая законодательная база, а только нахождение у власти (с. 143). Утрата существующей бюрократической системой механизмов обратной связи представляет значительную опасность.

Вместе с тем правящие режимы обладают определенной устойчивостью, что может объясняться влиянием различных факторов: наличием институтов, отражающих особенности местной культуры, легитимностью власти в глазах определенной или даже значительной части населения, умелым реагированием властей на возникающие проблемы, готовностью к проведению дозированных реформ, финансовыми возможностями по «умиротворению недовольных» и, наконец, эффективностью репрессивных мер (с. 148). Автор обращает внимание на стабилизирующую роль среднего класса, который по своей природе стремится к переменам, дающим ему возможность развиваться и ограждающим от чрезмерной опеки со стороны государства. По оценочным данным, средний класс составлял в Египте и Сирии до 10%, а в Тунисе – большинство населения.

По мнению автора, недавние конфликты в арабских странах обусловлены внутренними противоречиями, которые образуют гремучую смесь современности и традиционализма. Наблюдаемая деградация вооруженных сил усиливает непредсказуемость протекания конфликтов, особенно тогда, когда ослабленный режим не способен сформулировать стратегическую повестку и обеспечить армию необходимыми ресурсами (с. 158). Массовый отток офицеров и рядового состава вооруженных сил Сирии породил оппозиционную Сирийскую свободную армию, костяк ИГИЛ составили бывшие офицеры иракского режима С.Хусейна. В таких условиях население вынуждено вооружаться, чтобы выжить в сложных условиях, и нередко либо мирно подчиняется, либо присоединяется даже к наиболее радикальным силам, связь с которыми дает надежду на защиту.

В условиях слабости власти особую роль приобретает феномен полевых командиров, контролирующих небольшие территории, сочетая силу и патронаж (с. 165). Они часто опираются на нелегальный бизнес (торговлю наркотиками, нефтью и оружием) и поддерживают ситуативные связи с иностранными державами, готовыми воспользоваться их услугами, исходя из своих соображений. Подобная схема может использоваться и в Центральной Азии. В Таджикистане времен гражданской войны формирования полевых командиров пытались установить контроль над участками границы с Афганистаном.

Как отмечается в книге, столкновения между конфессиональными идентичностями в рамках одного религиозного течения (сунниты – шииты, джихадисты – салафиты) становятся важной особенностью политических конфликтов (с. 172). Подобные противоречия усугубляются более частными: так, противоречия между шиитами и суннитами сочетаются с расколом внутри суннитского лагеря. Судьбы формируемых на региональном и местном уровнях коалиций выглядят далеко не безоблачными, и подчас отсутствие реальной координации усилий и общей стратегии их участников делает цели подобных коалиций декларативными (с. 175).

Бурные события в ближневосточном регионе 2010-х гг. оказали свое влияние и на состояние арабо-израильского конфликта. Более активное вмешательство в него со стороны претендующего на региональное лидерство Ирана производит двоякое впечатление. У Израиля и суннитских монархий появился общий

противник в лице Ирана, что смягчило арабо-израильские отношения на уровне элит (с.180). Второй фактор, закрепляющий эту тенденцию, – угроза со стороны экстремистов как для арабских националистов, так и для Израиля.

Заключительная часть книги посвящена вопросам урегулирования конфликтов. Отмечая, что гражданские войны и внутренние конфликты в наименьшей степени поддаются урегулированию, автор все-таки видит возможность достижения компромиссов, особенно при условии, когда максималистские требования сторон недостижимы. К перелому в пользу мирного урегулирования в общественном мнении страны, погруженной в конфликт, может привести и конструктивное влияние внешних сил. В качестве примера такого позитивного участия зарубежных акторов в решении сирийского конфликта упоминается Астанинский процесс. Достойна внимания логика урегулирования гражданской войны в Таджикистане 1990-х гг., состоявшая в разделе власти между правительством и оппозицией, представители которой получили должности в исполнительной власти, судебных и правоохранительных органах (с. 192).

Подводя итог исследованию, И.Д.Звягельская справедливо отмечает, что, по сравнению с глобальными игроками, государства Ближнего Востока и Центральной Азии обладают меньшими ресурсами для обеспечения собственной безопасности, при этом сталкиваясь с более острой необходимостью обеспечивать эту безопасность в условиях конфликтов, нестабильности и неопределенности (с. 202).

Книга И.Д.Звягельской рассчитана на читателей, интересующихся ситуацией на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а также на экспертов, специализирующихся на региональной политике, проблемах конфликтологии, разоружения и т. п. В целом, работа представляет собой серьезную теоретическую попытку концептуализации тех явлений и процессов, которые имеют место или еще формируются в близлежащих по отношению к России регионах, важных, с точки зрения обеспечения национальной безопасности РФ.